

\* \* \*

Отец проходит молча из сеней,  
Отец плотнее двери закрывает,  
Снимает кирзачи, кивает мне,  
Зеленый рукамоуник наливает.

На полотенце выцвели цветы,  
Зато настой густой в побитой кружке.  
Еще он от работы не остыл,  
И за футболку зацепилась стружка.

Он с улицы, но смотрит за окно.  
Не стар еще, а дом совсем уж рохля.  
На ветке виден зяблик-свистунок,  
А яблоня почти уже засохла.

Такой сюжет, обыденный вполне.  
И тут как тут, в луче пылинки вьются.  
А у отца комарик на спине.  
Согнать бы, но до слез боюсь проснуться.

\* \* \*

Поезд отходит всегда впервые.  
Так отрываются от Земли  
Самые смелые и святые,  
Первые звездные корабли.

Знаешь: толчок — и придут в движенье  
Станция и тополиный ряд,  
И, продираясь сквозь отраженье,  
Над полотном истончится взгляд.

И побредут к ночнику вокзала  
Те, кто остался стареть и ждать.  
Там начинается все сначала  
С каждым уехавшим навсегда,

С каждым гудком и прощальным взмахом —  
Даже и плачется не взятяг,  
Глядя, как без суеты и страха,  
Как светлячки, корабли летят.

\* \* \*

Нам с другом на скамейке хорошо  
Сидеть в вечернем скверике и думать  
Уже растаял снежный порошок,  
И слякотно, но в общем-то не дует.

Темно, и одинокие в кустах  
Гуляют только женщина с собачкой.  
Мы смотрим, позабыв о скоростях,  
Вдыхая сырость с воздухом табачным.

У друга на душе висит кредит,  
Я в думах о вчерашнем расставанье,  
Но сердце отчего-то не болит,  
Спасибо, не один я на диване

Лежу в прозрачной комнате своей,  
Пустынной до стерильности отеля.  
Я даже в чем-то благодарен ей —  
Гуляющей с собакой по апрелю.

\* \* \*

Узнаешь этот дом? Года три,  
Ах, четыре? Пусть будет четыре...  
Мы проникли, мы были внутри,  
Заходили в пустые квартиры.

Находили шкафы и столы,  
Сапоги с золотыми гвоздями,  
И скрипели под нами полы,  
По ошибке считая гостями.

Мы вдыхали остывшую пыль,  
Как печали чужие вдыхали.  
Ты нашла пожелтевший псалтырь.  
А потом мы все больше теряли.

Видишь, окна уютом зажглись,  
Все починено, что не погибло.  
Будто в теле затеплилась жизнь,  
Будто смерть увлеклась и ошиблась.

Нам теперь не войти в этот дом,  
Запечатан стальными замками.  
Мы найдемся под желтым листом.  
Под листьями,  
Листами,  
Листами...

### **Фонарь**

По комнате скрипучими шагами  
Шаталось время за босыми нами,  
По тем же доскам и на те же стены  
Роняло тень безжалостное время.

Горел фонарь, шатаньям помогая,  
Чтоб ничего от времени не скрылось.  
Пугалась ночь и падала нагая,  
Сдаваясь желтым сумеркам на милость.

Сочился свет на письма и на пряди.  
Я, может, потому и помню это,  
Что наш мирок от огненного взгляда  
Не защищали шторы из газеты.

\* \* \*

Ушла электричка в Сосново,  
Остался на лавке старик,  
Царапая слово за словом  
В помятый дождем черновик.

Какую выдумывал оду,  
Кому пожелания слал  
На лоне неяркой природы,  
Покинув прогорклый вокзал?

Я вспомнил: сверкала Сенная,  
Безлюдная после грозы,  
И так же, листья заклиная,  
Чего-то шептал он в усы.

...Прижалась к чугунной ограде,  
Мое промочила пальто...  
И ветер резвился в тетради,  
Копне белоснежных листов.

\* \* \*

На кладбище, закрытом для умерших,  
Но для живых открытом до сих пор,  
В рядах замшелых плит все больше брешей,  
Все гуще лес, все реже разговор.

Сюда стремится с утренней газетой  
Прогулка одиноких стариков,  
Здесь бродят романтические поэты,  
Охотясь за печальной строкой.

В расселину разрушенного склепа  
Нырять кошка, листьями шурша,  
Как будто не попавшая на небо  
И дикая, и черная душа.

Бессмертные отчаянные панки  
Откроют пиво о зубцы оград.  
Прохожий, догуляв ночную пьянку,  
Пугается мерцания лампад.

И каждый посетитель осторожный  
Ведет в душе особый, личный бой.  
А те, что друг на друга так похожи,  
За этим наблюдают под землей.

\* \* \*

Возьми конфету, не смотри в окно.  
Там только вьюга белая, как пластырь.  
А вспомни, как с тобой давным-давно  
Одну конфету резали на части.

Как, сэкономить на маршрутке чтоб,  
По набережной долготу изгибу  
Печатали шаги, а запятой  
Встречалась кошка нам какая-либо.

А в воздухе сплетали волокно  
Пушинки, перемытые лучами...  
Теперь конфеты есть и есть вино,  
Но не с кем пить на кухне одичалой.

Блестит сервиз, оставленный тобой –  
От каждого останется посуда.  
А улица над речкой голубой  
Исчезнет, если я ее забуду.

### **Тагильское**

Мы с Пахой пойдём по проспекту  
И, может быть, встретим Димона.  
У Пахи в руках по пакету  
В них «Балтика» и макаронны.

Димон две недели не курит.  
На Вые возводят высоты.

Вчера я увлекся паркуром,  
Джинсовку порвал и кроссовки.

Залезем на крышу завода –  
Герои не знают пощады,  
Штурмуя прогнившие своды,  
И мы не вернемся в общагу.

А если закончатся ветки,  
В дыханье уйдя костровое,  
Мы встанем навстречу рассвету,  
Очнувшись под Лисьей горою.

...Под Лисьей горою, под Лисьей  
По-прежнему катятся листья,  
И Паша, взлетевший с карниза,  
Нам пишет водой дождевою.

\* \* \*

Вот человек, оставленный в веках,  
Глядит из кухни в мутное оконце.  
Сбивает с сигареты теплый прах,  
А в остальном — почти не шевельнется.

Вот я напротив этого сижу  
И слов не знаю, и путей не видно.  
На кухню сигареты приношу  
И булочки то с маком, то с повидлом.

Он говорит, что я хороший друг —  
И я его почти уж понимаю.  
Зову его по имени, киваю:  
Когда-нибудь я тоже не умру.

### **Дом у храма**

Жить возле храма, дружок –  
Это не возле вокзала.  
Вижу цветочный горшок,  
Ласковый свет вполнакала.

Слышу: торопится мышь,  
Листья сухие тревожа.  
Многого — не разглядишь,  
Поздний озябший прохожий.

Как тут разводят огонь —  
Суетно или с молитвой?  
Что опускают в ладонь,  
Жесткую в будничных битвах?

С кем преломляют еду,  
Под вопрошающим взором?  
Вон я, в тени у забора,  
Господи, мимо иду...

\* \* \*

От фонарей не видно звезд,  
И мы с друзьями  
Столицу топчем, как погост  
Под фонарями.

Устав от сырости земной,  
Сойдем в шаверму.  
Закроют небо за спиной,  
И грязь, и скверну.

Нальет подземный человек  
Стакан микстуры.  
Осядет вечер в рукаве  
На спинке стула.

Затянет кореш про войну  
И Украину.  
Глядишь, февраль перешагнул  
За половину.

Повздорят бабы у стены,  
Крича не в голос.  
У них бутылки неполны,  
Немыты волосы.

У нас полжизни впереди,  
Но больше — в прошлом.  
Когда пройдет февраль в груди,  
Махни в окошко.

### **В пути**

То ляжет лютый гололед,  
То не найти к мосту ступеней.  
А то и дождиком польет,  
Пока бредешь вдоль трассы тенью.

То оттесняет грузовик,  
Едва вмещаясь в повороты.  
А все вокруг полно любви,  
Включая корпуса завода,

Не исключая мутных луж  
И заодно с борщевиками.  
А ты — нелеп и неуклюж,  
Помят и с мокрыми носками,

Опять не можешь отыскать  
Среди кустов тропинку к храму,  
Где будет свет, лучась из рамы,  
Тебя в макушку целовать.

\* \* \*

Выбрался на первые снежинки,  
След повел к медлительной реке,  
Слушал, как молоденькие льдинки  
Шепчутся на старом языке.

Поскользнулся, отряхнул колено,  
Палкой нацарапал на снегу.  
Погрозил цепному псу поленом,  
Задремал в автобусе на Мгу.

А свеча по-прежнему горела,  
За пятнадцать куплена рублей,

И дыханье ангелов в приделах  
Паром выходило из дверей.

### **Вологодское**

Когда идешь в гостиницу с вокзала,  
Ориентиром вечно будет лужа.  
Как ты ее изящно миновала,  
Покоя отражений не нарушив!

За вечером приходит воскресенье,  
Дома согреты охровым восходом,  
Как будто с фотокарточки настенной  
Глядят они из эры пароходов,

Узорами послушной древесины  
Дразня замысловатость старых кружев...  
Ты и осталась вписанной в картину,  
Над сентябрем взлетая, как над лужей.